

И.М. ПОПОВА, Г.П. БЕССОКИРНАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ РАБОЧИХ

В последние годы внимание обществоведов обращено к идее справедливости. В.А. Ядов неоднократно высказывал мнение, что именно идея социальной справедливости должна объединить граждан России [см., например: 1]. В.А. Кузнецов пишет о справедливости как о стратегической идее для России и всего мира [2]. В.А. Найшуль, директор Института национальной модели экономики, выдвинул тезис о том, что если лозунгом революции 1991 г. была свобода, то лозунгом наступающей революции должна стать справедливость [3]. Аналогичную позицию занимает президент Института национального проекта «Общественный договор» А.А. Аузан, выступивший с лекцией «Договор-2008: критерии справедливости». В ней он рассуждает о справедливости в терминах современной западной институциональной теории и выдвигает гипотезу, в соответствии с которой объясняет актуальность идеи справедливости в настоящий период реформирования России. По его мнению, Россия находится на этапе завершения второго пореформенного договора о правлении. «Первому договору о правлении соответствовало понятие свободы, идея свободы — это 1990-е годы. Центральным понятием второго договора о правлении является стабильность. Я предполагаю, что для третьего договора о правлении, который наступит после 2008 года, центральной задачей, проблемой, болью, вызовом станет справедливость» [4].

Данное объяснение актуальности идеи справедливости наводит на мысль, что российская идеология реформирования как бы в сжатом виде повторяет путь западного либерализма: его эволюция как раз и состояла в том, что в процессе развития капитализма произошел поворот от идеи «свободы и эффективности» к идеям «справедливости» и «равенства». Аузан ссылается на концепцию справедливости Джона Ролза, появление которой, а также повсеместная ее популярность на Западе, как раз и свидетельствуют об определенном «развороте» либерализма. При этом Аузан обращает внимание на нестандартность концепции Ролза, состоящей в том, что Ролз пошел *не от*

Попова Ирина Марковна — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

Бессокирная Галина Петровна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (495) 128-91-05. Электронная почта: gala@isras.ru

ценности, не от нравственности, а от представления, что справедливость — это то, о чем люди договариваются.

Попытаемся вкратце изложить суть этой концепции, воспользовавшись интерпретацией Поля Рикера, с тем, чтобы объяснить актуализацию проблемы справедливости, а также использовать эти рассуждения для определения своей позиции и анализа полученных эмпирических данных.

Действительно, идея договора является центральной в концепции Дж. Ролза. Речь идет о договоренности рациональных, «вменяемых»¹ субъектов о том, как жить в условиях «социальной кооперации», руководствуясь не только своими интересами, но и интересами «Другого». По мнению Ролза, «принцип эффективности не может служить единственной концепцией справедливости. Следовательно, он должен быть чем-то дополнен» [6, с. 74].

Дополнение принципа не только эффективности, но и свободы, связанных с достижением «естественного достояния», приводит к необходимости осуществлять «распределение» («перераспределение») последнего. Именно распределение связывается с представлением о справедливости. «Интуитивно, — пишет Ролз, — наиболее явная несправедливость системы естественной свободы выражается в том, что распределение (distributive shares) находится под влиянием совершенно неподходящих факторов, столь произвольных с моральной точки зрения» (курсив наш. — И.П., Г.Б.) [6, с. 75].

Распределение достояния, направленное на «предотвращение чрезмерного накопления собственности и богатства» и осуществляемое «вменяемыми» личностями, не означает деления достояния на равные доли, ибо следует руководствоваться, по мнению Ролза, и «принципом различия», сочетающимся с принципом «честного равенства возможностей». Принцип различия, выражающий «фундаментальное значение социальной справедливости», как считает Ролз, «соответствует естественному значению братства: а именно — идее нежелания иметь большие преимущества, если это не направлено на выгоды других, менее хорошо устроенных» [6, с. 101]. Иными словами, при наличии «лучше» и «хуже устроенных» справедливость общества возможна. Однако «базисная структура общества», «структура институтов», *требуемая свободой и честным равенством возможностей*, делает высокие ожидания лучше устроенных справедливыми, «...если и только если они работают как часть схемы, которая улучшает ожидания наименее преуспевших членов общества. ...Интуитивная идея состоит в том, что социальный порядок не заключается в установлении

¹ Поль Рикер, разъясняя используемый Ролзом термин «вменяемость», пишет, что он обозначает «способность признавать нас дающими отчет за наши действия на правах их подлинных авторов» [5, с. 184].

и сохранении наиболее привлекательных перспектив лучше устроенных, если только это не делается ради преимуществ менее удачливых» [6, с. 77].

Приводя эти рассуждения, мы хотели бы обратить внимание на ту роль, которую играют в них категории «базисная структура», «социальные институты», «социальный порядок», «социальная система», «социальные условия». Эти категории, на наш взгляд, как бы обуславливают своеобразную «объективизацию» справедливости, понимаемую фактически как *некоторое общественное устройство*, которое достигается посредством договора, консенсуса относительно распределения многообразных благ, включающих признание, награды, почести, а также самоуважение. Заметим также, что, хотя свое понимание справедливости Дж. Ролз называет «либеральной интерпретацией», многие пассажи из его обширного труда о справедливости вполне согласуются с социалистической риторикой². Например, утверждение о том, что шансы в приобретении культурного знания и умения не должны зависеть от классового положения, а школьная система должна быть предназначена для устранения классовых барьеров. «Развитие и совершенствование естественных способностей, — пишет Ролз, — зависят от социальных условий и классовых установок. Даже желание совершить усилие, стараться и заслужить похвалу зависят от удачных семейных и социальных обстоятельств» [6, с. 76]. Рассуждения о том, что все люди должны иметь одинаковые шансы и перспективы успеха в реализации своих способностей и талантов, «независимо от своего исходного положения в социальной системе», осуждение неравенства начальных шансов при вхождении в жизнь (неравенства «стартовых позиций») вполне созвучны нашим дискуссиям 1960-1970-х гг., вдохновляемым желанием совершенствовать «реальный социализм» и определить пути преодоления «существенных различий» и тем самым реализовать «идею социализма».

Но реально ли устранение классовых барьеров и во всяких ли социальных обстоятельствах возможно установление желательного консенсуса для преодоления нежелательных неравенств? Поль Рикер, анализирующий концепцию Ролза и размышляющий над тем, можно ли вообще говорить о неравенствах «более справедливых или, по крайней мере, менее несправедливых, чем другие», рассуждает «о неравенствах, сопряженных с разнообразием вкладов в развитие общества, о различиях в квалификации, в компетенции, в эффективности осуществляемой ответственности и т. д.; о тех неравенствах, *растаться с которыми не смогло или не захотело ни одно общество*»

² Это, кстати, также симптоматично, если иметь в виду популярность в западном мире идеологии «социального государства», а также тенденцию, обозначаемую как «социализация капитала» [7].

(курсив наш. — *И.П., Г.Б.*) [5, с. 74]. По мнению П. Рикера, также относящего теорию Дж. Ролза к концепциям либеральной демократии, Ролз «недооценил проблематику господства», без учета которой невозможно преодолеть возражения в «нереальности его идей, выдвигаемых в пользу «хорошо упорядоченного общества» [5, с. 87]. Он обратил внимание и на то, что все же «остается большой разрыв между проектом, нацеленным на равенство, то есть на ограничение господства, и проектом, имеющим в виду оправдание, то есть разумное обращение с тяжбами» [5, с. 96]. В связи с этим возникает вопрос: не является ли проблема справедливости (несправедливости), собственно говоря, не проблемой равенства (неравенства), а *проблемой его оправдания (либо не оправдания, осуждения)*. Имеет смысл также учитывать следующее обстоятельство: выражая солидарность с позицией Люка Болтански и Лорана Тевено, Рикер связывает проблематику господства с *представлением о государстве* и считает, что общественный договор характеризует ситуацию, когда общее благо удается определить как «благо государства» и когда воля, заставляющая граждан действовать, «обращена к общему интересу» [5, с. 99]. Возможно, «справедливость» как раз характеризует то, в какой степени государству удастся установленный порядок вещей выдать за «общий интерес» и получить одобрение, что, как известно, важно для общества, декларирующего свою демократичность.

Еще одно соображение Рикера относительно теории справедливости кажется нам заслуживающим внимания. Ролз, формулируя принципы справедливости, указывает на то, что они направлены на «смягчение» социальных случайностей и «естественного везения». Рикер же обращает внимание на необходимость «взаимоналожения» «правил справедливости» и «фона верований», фактически разделяемых в обществе. Для консенсуса важны не только практические правила, но и «верования» (представления об их справедливости), обеспечивающие поддержку правил существенным большинством политически активных граждан. Именно это «наложение», собственно говоря, и «умеряет» (если использовать выражение Рикера) идею консенсуса. Выявление связи между «правилами справедливости» и «фоном верований», попытку реконструировать позитивную связь между ними Рикер относит к числу амбициозных целей, которые можно поставить перед собой. Не эта ли амбициозная цель стоит и перед социологами, когда они пытаются фиксировать и *интерпретировать представления о справедливости* и ее оценки?

Выясняя *причины актуализации проблемы справедливости*, следует обратить внимание также на следующее высказывание Рикера «Идея консенсуса через “взаимоналожение” остается идеей прагматической, выдвинутой, по меньшей мере, двухсотлетним опытом демократической практики» [5, с. 86]. О практическом благоразумии

западной буржуазии, которая к идее перераспределения и необходимости делать «уступки» пришла в течение длительного периода своего функционирования, пишет и И. Валлерстайн [8, с. 76].

В отличие от западной, наша буржуазия не имеет собственного длительного опыта, но, к сожалению, не учитывает и чужой (как известно, «история ничему не учит»). *Отчасти* отсутствием собственного опыта капиталистического функционирования следует объяснить тот факт, что российские реформаторы игнорировали проблему справедливости, что обусловило характер постсоветской практики реформирования и ее социальные последствия. На это обратил внимание В.Э. Шляпентох в статье о равенстве и справедливости в России и США в 1990-е гг. Он указал на то, что российские либералы просто выбросили из своего лексикона слово «справедливость» [9, с. 250]. Анализируя эмпирические данные, Шляпентох пришел к выводу, что «социальное неравенство, которое так возмущало россиян в советский период, не идет ни в какое сравнение с ситуацией в постсоветской России» [9, с. 253-254]. Еще 10 лет назад Шляпентох писал о том, что если проблемы равенства и справедливости не вернуться в официальную политику, то это может стать важным преимуществом оппозиции нынешнему режиму [9, с. 258].

В 2006 г. Александр Аузан «честно признался» в том, что, будучи экономистом, прежде категорически отказывавшимся употреблять слово «справедливость», стал вынужден об этом говорить. Отвечая на вопрос, почему ему приходится так делать, он сослался на экономические показатели, характеризующие чрезмерную социальную поляризацию, и на то, что на протяжении последних 15 лет все эти показатели бурно растут. «Это как с давлением, — заключает он, — инсульт может случиться» [4].

Опасность «общественного инсульта» как раз и пробуждает интерес к идее справедливости на постсоветском пространстве. Не случайно в последние годы к этой идее обращаются не только ученые (Аузан, Прокофьев, Кочергин и др.) но и политики, широко использующие для названия партий, а также в политическом дискурсе понятие «справедливость». Не существует ли опасность того, что «справедливость» станет новым средством мифологизации, у которого вероятность прижиться в нашей социально-культурной среде бóльшая, чем у «свободы» и «демократии»³? Ведь практически общепризнанно, что *социальная справедливость — фундаментальная ценность российской культуры*, в том числе и на современном этапе ее развития.

Ответ на вопрос, не может ли идея справедливости стать средством мифологизации, связан также с решением *исследовательской проблемы*, которую Рикер называет проблемой «наложения» практических

³ О демократии как средстве мифологизации и идентификации, см.: [10].

правил и «фоновых верований». Но в этом, очевидно, состоит уточнение «ролзовской» концепции справедливости, специфика которой, как отмечалось, заключается в переводе ценностной проблематики в «договорную», или, как считает Рикер, в переходе от «деонтологической» точки зрения к рассуждениям в терминах «практических правил» и «практической мудрости» [5, с. 238]. На самом деле, решая проблему справедливости, налагая друг на друга «верования» и «практические правила», мы решаем вопрос о *взаимоотношении представлений о справедливости с «базисной структурой», характеризующей реальное распределение и перераспределение общественных благ*. При этом представления о справедливости — это не «реальные суждения», если использовать терминологию Э. Дюркгейма. Суждения справедливости, по Дюркгейму, — это «суждения ценности»⁴. Справедливость находится в плоскости рассуждений о ценности и оценочных отношений, *хотя и выходит за их границы*. Вопросы, которые в данном случае возникают, состоят в следующем: как формируются «верования», ценности — символы, способствующие «принятию» практических правил распределения, либо приводящие к их отторжению, и какую роль при этом играют практические отношения? Всегда ли соответствие между практическими правилами и ценностями — символами способствует общественному развитию и личностному совершенствованию? Какая степень несоответствия допустима и имеются ли возможности у исследователя ее определить? Все это — *аспекты исследовательской проблемы применительно к социальной справедливости*. В ее основе лежит противоречие между тем, что, с одной стороны, соответствие «верований» «практическим правилам» есть благо, ибо оно — свидетельство консенсуса и относительной стабильности, с другой, неприятие практических правил и осознание их несправедливости, являющееся выражением кризиса общества, может стать необходимым условием совершенствования общества, его развития. Соответственно актуальной задачей для социологов в современных условиях представляется анализ *динамики оценок социальной справедливости, выявление тех сторон жизнедеятельности, которые расцениваются людьми как несправедливые*.

Социальные проблемы труда представляют собой особый аспект исследования представлений о социальной справедливости и их связи с «базисной структурой». Именно в результате исследования ценностей труда и трудовых ориентаций В.С. Магун сделал заключение о

⁴ Под «реальными» суждениями Э. Дюркгейм понимал суждения, которые выражают «то, что есть». А под «ценностными суждениями» — высказывания не о том, «чем вещи являются “сами по себе”», а том, «какую ценность они представляют по отношению к сознательному субъекту» [11, с. 106].

том, что «общая установка на справедливость» является одним из «моральных императивов, легитимизировавших фундаментальные социальные перемены конца 1980-х – начала 1990-х гг. прошлого столетия и остающихся важным и в сегодняшней повестке дня» [12, с. 16].

Как влияют представления о социальной справедливости на трудовую мотивацию и отношение к труду рабочих? Существует ли связь между социальным самочувствием рабочих и их оценками социальной справедливости? Что понимается под справедливым вознаграждением за труд? Как связано осознание справедливости различных сторон трудовой деятельности с характером труда, в частности с его возможностью быть фактором развития личности? В настоящей статье предпринята попытка дать ответы на некоторые из поставленных вопросов. С этой целью используются результаты социологических исследований, проведенных в 1989 г. в Одессе⁵ и в 2007 г. в Пскове, Брянске и Кирове⁶ при участии авторов данной статьи. В ряде случаев для сравнительного анализа привлекаются данные социологического исследования, проведенного в Пскове, Брянске и Кирове в 2003 г. на тех же объектах, что и в 2007-м.

Мы руководствовались следующими соображениями:

— «социальная справедливость» — это ценностное отношение, характеризующее оценку принятых в обществе правил распределения многообразных благ и услуг, *не обязательно имеющих денежное выражение*;

— представления о справедливости / несправедливости являются элементами общей системы ценностей и определяются структурой последней;

— «справедливость» зависит не только от состояния объекта оценки (реального распределения благ), но и *от притязаний субъекта ценностного отношения*;

— соответственно, *более остро будет переживаться (оцениваться как «несправедливое») недостаток тех благ, которые ценятся более чем другие*.

⁵ В Одессе исследование проводилось по заданию ЦК КПУ социологической лабораторией Одесского университета под руководством И.М. Поповой по репрезентативной выборке занятого населения. Выборка трехступенчатая, на последнем этапе — квотная. Контролируемые переменные — отрасль народного хозяйства, пол, возраст, профессия (должность) трудящихся. Исследованием охвачено 20 предприятий, опрошено 909 человек, в том числе 246 рабочих промышленных предприятий.

⁶ Это исследование проведено сектором изучения повседневной деятельности и бюджета времени Института социологии РАН под руководством В.Д. Патрушева. Выборка целевая. Осуществлен опрос всех присутствующих на рабочих местах в цехах основного производства на трех крупных машиностроительных предприятиях. Объем выборки 417 человек.

Социальная справедливость в 1989 году

Кризисная ситуация, возникшая в советском обществе в конце 1980-х гг., стимулировала социологические исследования социальной справедливости. На Украине, например, в 1989 г. такое исследование, проводимое в разных регионах по сопоставимой методике, было инициировано ЦК КПУ, что давало возможность получить относительно обобщенные данные. Результаты этого исследования приведены в одном из разделов книги «1989 — 1991. Диагноз времени» [13]. Далее остановимся на основных, заслуживающих особого внимания выводах, которые были сделаны в результате данного исследования и которые учитывались в наших дальнейших проектах.

Прежде всего, укажем на то, что для подавляющего большинства наших соотечественников *представление о справедливости было значимо*: более 70% опрошенных выбрали позицию «Лично для меня социальная справедливость имеет очень большое значение» и отметили, что они *глубоко переживают любые проявления несправедливости даже тогда, когда лично их это не касается*. Судя по данным опроса, страна в тот период переживала острый кризис справедливости: подавляющее большинство респондентов говорили, что нарушения справедливости в обществе носят массовый характер и встречаются на разных уровнях. Большинство считало также, что после пяти лет перестройки положение дел в этой сфере либо не изменилось, либо ухудшилось.

Не вызывает сомнений *ценностная природа представлений о социальной справедливости, их зависимость от господствовавшей в массовом сознании того периода системы ценностей*. Это выразилось, во-первых, в известной «унификации» представлений о справедливости и ее оценках, относительной независимости их от социально-демографических характеристик (включая этнические) опрошенных. Во-вторых, массовое сознание транслировало представления о справедливости, заложенные в «социалистической системе ценностей».

Ответы на вопрос «Какое общество является справедливым?» свидетельствовали, что представления рабочих промышленных предприятий не отличались от представлений других групп трудящихся. Абсолютное большинство рабочих считали справедливым общество, в котором:

- каждый может участвовать в обсуждении, выработке и принятии решений по важнейшим вопросам (75%);
- все имеют равные возможности для реализации своих способностей, одинаковые возможности добиться успеха в жизни (73%);
- справедливо все то, что соответствует общечеловеческой морали, нравственно (70%);
- различия в уровне жизни, благосостоянии людей могут быть существенными, но они зависят только от трудового вклада (68%).

Немного более половины опрошенных считали справедливым общество, в котором всем людям предоставляется возможность удовлетворять свои насущные потребности независимо от величины трудового вклада (53%). Менее половины разделяли мнение, что справедливо все то, что не противоречит принятым законам (44%) и что справедливо то общество, в котором отсутствуют существенные различия в уровне жизни, благосостоянии людей (42%).

Факторный анализ суждений о справедливом обществе выявил три фактора, которые можно условно обозначить как три модели справедливого общества: *первый фактор* — «Обновленный социализм» (с наибольшими нагрузками в него вошли суждения «Справедливо то общество, в котором все имеют равные условия для реализации своих способностей, одинаковые возможности добиться успеха в жизни», «В справедливом обществе каждый может участвовать в обсуждении, выработке и принятии решений по важнейшим вопросам», «Справедливо все то, что соответствует общечеловеческой морали, нравственности»); *второй фактор* — «Реальный социализм» (в него входят с наибольшими нагрузками суждения «Справедливо все то, что не противоречит принятым законам» и «Различия в уровне жизни, благосостоянии людей могут быть существенными, но в справедливом обществе они зависят только от трудового вклада»); *третий фактор* — «Наивный коммунизм» (в него входят с наибольшими нагрузками суждения «Справедливое общество должно предоставить всем людям возможность удовлетворять свои насущные потребности (в жилье, питании и т. п.) независимо от величины трудового вклада» и «Справедливо то общество, в котором отсутствуют существенные различия в уровне жизни, благосостоянии людей»). Выяснилось, что *распространенность трех моделей справедливого общества не связана не только с социально-демографическими (пол, возраст, образование) характеристиками рабочих, но и с их принадлежностью к КПСС и ВЛКСМ.*

Рассматривая *справедливость в аспекте проблем труда*, отметим то, что при общем преобладании оценок, указывающих на несправедливое положение дел, справедливость в трудовом коллективе оценивалась выше, чем в обществе в целом. В то же время, большинство рабочих считали, что нарушения социальной справедливости в коллективе встречаются «не так уж редко» (60%). При этом, однако, только каждый пятый рабочий отметил, что они «широко распространены» и чуть меньше было тех рабочих, которые выбрали вариант ответа «практически не бывают». О *характере нарушений социальной справедливости в трудовых коллективах* свидетельствуют ее оценки в разных сферах их производственной и внепроизводственной деятельности. Рабочие отмечали нарушение справедливости в самых разных вопросах — при распределении жилья и путевок в санатории

и дома отдыха, при повышении квалификационного разряда, при обсуждении, выработке и принятии решений по наиболее важным вопросам жизни коллектива, однако в 1989 г. чаще всего они говорили о том, что *несправедливость допускается в первую очередь в оплате труда* (на это указали более половины опрошенных). Эти ответы, с нашей точки зрения, демонстрировали, какое место среди ценностей труда в этот период времени занимало материальное вознаграждение.

К этому времени (в сравнении с 1970-ми гг.) в системе ценностей труда явно повысилось значение заработка (денежного вознаграждения) и, соответственно, это повышение сказалось и на оценках справедливости различных сторон трудовой деятельности: именно оплату труда считали наименее справедливой. О повышении значимости материального вознаграждения в сознании рабочих свидетельствуют и другие данные. Так, наряду с общими оценками социальной справедливости в трудовом коллективе нами фиксировались и две индивидуальные оценки оплаты труда («Считаете ли Вы справедливой оплату Вашего труда?» и «Соответствуют ли Ваши заработки величине Вашего трудового вклада?»). В 1989 г. только 15% рабочих считали оплату своего труда справедливой. Большинство рабочих (65%) ответили, что они получают меньше, чем заслуживают. В представлениях о справедливости вполне определенно, таким образом, *выражен сдвиг ценностей труда в сторону прагматизации*, который проявился также и в мотивации труда (мотивах – суждениях, имеющих также ценностную природу)⁷.

Этот «сдвиг», однако, *сочетался с признанием рабочими большого значения возможности проявить себя, реализовать свои способности*, что обнаружилось, как отмечалось выше, в понимании ими того, какое общество является справедливым. Это сочетание вполне соответствовало особенностям определенного периода развития советского общества. Не случайно в социологической литературе к этому времени был поднят вопрос о необходимости переосмысления формулы социализма — «от каждого по способностям, каждому по труду» с тем, чтобы обратить внимание на первую ее часть. Именно *в создании условий для реализации способностей видели социальные резервы совершенствования труда, а, соответственно, и возможности повышения уровня вознаграждения за труд* [15]. В ряде публикаций обращалось внимание на то, что при практически неограниченном наличии рабочих мест и отсутствии «явной» безработицы существует безработица «скрытая», означающая недостаток рабочих мест, соответствующих профессиональной подготовке и способностям работников. *Эта реальная ситуация и трансляция идей, соответствующих*

⁷ Подробнее о ценностной природе вербально выраженных мотивах – суждениях см.: [14].

распространенной в тот период модели социализма, обусловила функционировавшие в массовом сознании представления о справедливости и ее оценки.

Следует иметь в виду и то, что к представлениям о справедливости общества, предоставляющего равные возможности для реализации способностей, близко примыкали представления о справедливости общества, в котором различия в благосостоянии могут быть существенными, но при этом они *должны зависеть только от трудового вклада*. Впоследствии наши данные, свидетельствующие о распространенности понимания труда как ценности и единственного средства достижения «заработанного благосостояния», позволили отнести такое понимание справедливости к «самоочевидным представлениям» [16, с. 129]. Есть основание также квалифицировать данное представление как *«трудовую интерпретацию справедливости»*, что и сделала Н.Ф. Наумова, опираясь на результаты повторных телефонных опросов москвичей в 1990, 1991 и 1993 гг. Она заключила также, что трудовая интерпретация справедливости остается «ведущим элементом системы ценностных ориентаций в переходном обществе» [17, с. 15].

Отметим, что наши данные противоречили распространенному в тот период в научной среде мнению, что для советского массового сознания характерна идея «уравнительности», которая якобы является препятствием для повышения производительности труда. Интересно, что отправленная нами в те годы в редакцию «Социологических исследований» статья под названием «Уравнительность — иллюзия массового сознания?», в которой приводились результаты исследований, свидетельствовавшие об отсутствии «уравнительных представлений» в массовом сознании, была опубликована без вопросительного знака. «Новое» название, не согласованное с автором, не соответствовало основному смыслу содержащихся в статье материалов, которые свидетельствовали, что «уравнительность» — это иллюзия совсем не массового сознания, ибо в иерархии массовых представлений о справедливом обществе уравнительные представления занимают одно из последних мест [18].

Далее остановимся вкратце на характеристике связи представлений рабочих о справедливости *с их оценками социального самочувствия*. В 1989 г. социальное самочувствие фиксировалось как оценки удовлетворенности работой на предприятии, уровнем жизни, жизнью в целом и уверенность в завтрашнем дне. Оказалось, что оценки удовлетворенности уровнем жизни и жизнью в целом тесно связаны только с двумя индивидуальными оценками оплаты труда, при этом в большей степени — с оценкой соответствия зарплаток трудовому вкладу и в меньшей — с оценкой справедливости оплаты собственного труда. На основании полученных данных можно было говорить о *существенном влиянии оценки соответствия зарплаток трудовому*

вкладу на оценку удовлетворенности уровнем жизни ($\lambda = 0,177$) и о незначительном влиянии оценки соответствия заработков трудовому вкладу и оценки справедливости оплаты труда на оценку удовлетворенности жизнью в целом.

В то же время оценки удовлетворенности работой на предприятии и уверенности в завтрашнем дне были теснее связаны с *оценками общей ситуации в трудовом коллективе, чем с оценкой справедливости оплаты своего труда*. Между оценками социального самочувствия и оценкой соответствия заработков трудовому вкладу статистически значимых связей зафиксировано не было. Общая оценка социальной справедливости в трудовом коллективе влияла на удовлетворенность работой на предприятии ($\lambda = 0,248$) и даже на уверенность в завтрашнем дне ($\lambda = 0,117$). На удовлетворенность работой на предприятии также существенно влияла оценка справедливости оплаты труда в трудовом коллективе ($\lambda = 0,152$) и в меньшей степени — оценка справедливости оплаты собственного труда ($\lambda = 0,113$). Выходит, что *при выражении удовлетворенности работой на предприятии общая ситуация в трудовом коллективе заботила рабочих более, чем оценка своего собственного положения*.

Возвращаясь к моделям справедливого общества и рассматривая их в аспекте оценок справедливости различных сторон трудовой деятельности, укажем на наличие взаимосвязи между выбором той или иной модели справедливого общества и названными оценками. Например, рабочие, выбиравшие в качестве справедливого общества «реальный социализм», оценивали существующую ситуацию в трудовом коллективе как более благоприятную. Треть из них считали, что нарушений справедливости в трудовом коллективе практически не бывает (в среднем — каждый пятый), а четверть — что и в оплате труда справедливость в трудовом коллективе никогда не нарушается (в среднем — только 14%). Треть (35%) тех рабочих, кто выбрал в качестве справедливого общества «наивный коммунизм», также полагали, что нарушений социальной справедливости в трудовом коллективе практически не бывает. Напротив, рабочие, выбиравшие в качестве справедливого общества «обновленный социализм», оценивали существующую ситуацию более критично: только 15% из них полагали, что нарушений справедливости в трудовом коллективе практически не бывает, и лишь 11% считали справедливой оплату своего труда. *Эти данные свидетельствовали о том, что общая социальная установка была связана с оценками справедливости в трудовом коллективе*.

В 1989 г. были получены интересные данные при изучении *взаимосвязей между оценками социальной справедливости и экономическими показателями деятельности трудовых коллективов*⁸. Оказалось,

⁸ Методика сбора объективных данных о деятельности трудовых коллективов, составленная Г.П. Бессокирной, описана в: [13, с. 195–202].

что существует тесная прямая связь между темпами роста производительности труда и такими переменными, как оценка социальной справедливости при обсуждении, выработке и принятии решений по наиболее важным вопросам жизни коллектива и оценка справедливости оплаты труда в трудовом коллективе. Заметим, что это не вполне соответствовало представлению, согласно которому определяющим фактором повышения производительности труда является, главным образом, денежное вознаграждение. Связь между оценками социальной справедливости и экономическими показателями носила в целом довольно сложный характер⁹. Например, было установлено, что более низкие оценки социальной справедливости сопряжены с большим размером прибыли, направляемой в фонды предприятия (в том числе в фонд материального поощрения). Мы считали, что это объяснялось отсутствием эффективного механизма оценки вклада каждого работника в конечные результаты деятельности трудового коллектива.

Важное заключение, сделанное в тот период, состояло в следующем: *оценки социальной справедливости достаточно адекватно отражали реальное состояние социальной сферы*. Это выразилось, в частности, в том, что большему размеру прибыли, направляемой в фонд социального развития, соответствовали относительно высокие оценки социальной справедливости отдельных сторон внепроизводственной деятельности и общая оценка социальной справедливости.

Впоследствии для лучшего понимания взаимосвязей между оценками социальной справедливости и экономическими показателями работы промышленных предприятий в качестве вторичного анализа был осуществлен дискриминантный анализ, позволивший сделать ряд дополнительных выводов. Выяснилось, что для прогноза общей оценки социальной справедливости и справедливости в оплате труда в трудовом коллективе информативными являлись, в первую очередь, прибыль, направляемая в фонд социального развития, и прибыль, направляемая в фонды предприятия, и только во вторую — темпы роста производительности труда и прибыль. Для прогноза оценки соответствия зарплаток трудовому вкладу наиболее информативными переменными были прибыль, направляемая в фонды предприятия, прибыль и среднемесячная зарплата промышленно-производственного персонала. Как видим, наряду с экономическими показателями *для достижения социальной справедливости необходимы соответствующие механизмы перераспределения прибыли*. Возможно, поэтому для прогноза оценки справедливости оплаты собственного труда экономические показатели не являлись информативными.

Социальная справедливость в 2007 году

Какова ситуация в России в 2000-х гг.? Как изменились представления людей о социальной справедливости в период стабилизации?

⁹ Подробнее об этом см.: [13, с. 66–70].

Всероссийский опрос, проведенный в апреле-мае 2006 г., показал, что лишь 9% россиян не ощущали за последний год несправедливости происходящего, 44% россиян эта мысль посещала «часто», а 45% переживали из-за нее «иногда» [19, с. 180]. Оценивая изменение положения дел за период стабилизации, только 11% россиян отметили, что ситуация с социальной справедливостью улучшилась. Почти втрое больше было тех, кто выбрал вариант ответа «ситуация ухудшилась» (30%). Большинство (58%) полагали, что ситуация осталась прежней [19, с. 330]. Эти данные тем более тревожны, если исходить из концепции справедливости Дж. Александера, связывающего справедливость с солидарностью и гражданственностью [20].

Как обстоит дело в трудовых коллективах? Каковы представления рабочих о социальной справедливости? Как связано решение общесоциальных задач с проблемами трудовой мотивации? А.Л. Темницкий, исследовавший оценки справедливости работниками промышленных предприятий России в 1996–2004 гг., пришел, в частности, к такому заключению: «Справедливость как ценностная ориентация предполагает прежде всего соответствие вознаграждения трудовому вкладу работника и, как правило, связывается с решением не общесоциальных, а локальных проблем (на уровне отдельного предприятия, отрасли)... Поведение людей регулируется не столько объективным уровнем, сколько субъективным восприятием социальной справедливости политики руководства» [21, с. 82]. Характеризуя динамику оценок справедливости оплаты труда за указанный период, Темницкий, в частности, обращает внимание на значительное увеличение количества тех, кто считает оплату своего труда «определенно несправедливой» (с 36% до 58%) [21, с. 83].

Как рабочие оценивают социальную справедливость в трудовых коллективах в настоящее время? Отвечая на вопрос о распространенности нарушений социальной справедливости в трудовых коллективах, большинство рабочих (61%) выбрали ответ «иногда встречаются», каждый пятый — ответ «довольно часто» и чуть меньше — «практически не бывают». Оценивая изменения в ситуации за последние годы, большинство рабочих (71%) сказали, что число нарушений социальной справедливости не изменилось.

В каких сферах наиболее распространены случаи нарушения социальной справедливости в трудовых коллективах? По мнению рабочих, социальная справедливость нарушается при предоставлении обязательных социальных гарантий, повышении квалификационного разряда, обсуждении, выработке и принятии решений по наиболее важным вопросам жизни коллектива, при устройстве на работу, увольнении с работы, при предоставлении дополнительных социальных льгот и, главное, в оплате труда (48% рабочих выбрали вариант ответа «часто»).

В 2007 г. только 7% рабочих считали оплату своего труда справедливой. Большинство рабочих (74%) получают, по их мнению, меньше, чем заслуживают. Нельзя не отметить, что в 2003 г. таких рабочих было еще больше (84%). Число рабочих, в той или иной степени удовлетворенных заработком, увеличилось за период 2003-2007 гг. с 12 до 33%. Однако большинство рабочих размер их заработка не удовлетворяет: 88% в 2003 г., 67% в 2007 г. Наши данные еще раз подтверждают, что уровень оплаты труда занятых, как будто бы нормально работающих и получающих зарплату людей остается главной и острой проблемой [22].

В исследовании 2007 г. изучалось мнение рабочих о факторах, которые влияют на размер зарплаты. Установлено, что не менее половины рабочих считают, что *размер зарплаты «значительно зависит» не только от результатов работы участка, цеха и личного трудового вклада, но и от взаимоотношений с руководством. В гораздо меньшей степени размер зарплаты «значительно зависит», по мнению рабочих, от конечных результатов работы предприятия (40%) и уровня квалификации (39%)*. Выяснилось, что оценки справедливости оплаты собственного труда и соответствия заработков трудовому вкладу выше у тех респондентов, которые считают, что размер зарплаты *«значительно зависит»* от конечных результатов работы предприятия и уровня квалификации рабочих и *«не зависит»* от взаимоотношений с руководством (табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь оценок факторов, определяющих размер зарплаты, с оценками справедливости оплаты своего труда и соответствия заработков трудовому вкладу, % от числа ответивших*

Оценки факторов, определяющих размер зарплаты	Считаете ли Вы справедливой оплату Вашего труда?		Соответствуют ли, по Вашему мнению, Ваш среднемесячный заработок величине личного трудового вклада?	
	нет	да	получаю меньше	получаю примерно столько, сколько заслуживаю
Размер зарплаты зависит от конечных результатов работы предприятия:				
значительно	48	10	65	35
не зависит	74	1	87	12
Размер зарплаты зависит от квалификации:				
значительно	45	11	62	37
не зависит	68	7	79	19
Размер зарплаты зависит от взаимоотношений с руководством:				
значительно	72	1	87	12
не зависит	49	18	59	40

*Примечание: Сумма ответов не равна 100%, так как в вопроснике был вариант ответа на первый вопрос «иногда да, иногда нет», а на второй — «получаю больше».

Приведенные данные, с нашей точки зрения, свидетельствуют о том, что эффективный механизм оценки вклада каждого работника в конечные результаты деятельности трудового коллектива по-прежнему отсутствует.

Оценки справедливости и социальное самочувствие. Анализ динамики социального самочувствия рабочих Пскова за 1986-2007 гг. показал, что по важнейшим аспектам повседневной жизни до сих пор не достигнут уровень 1980-х гг. [23]. Особенно резко за годы реформ снизились удовлетворенность материальным положением и удовлетворенность работой на предприятии. На обследованных машиностроительных заводах в 2007 г. большинство рабочих были в той или иной степени не удовлетворены своим материальным положением. Индекс удовлетворенности материальным положением, рассчитанный по 5-балльной шкале, составил всего 2,25 балла. В сложившихся условиях большинству рабочих хватает денежных доходов только на самое необходимое: питание, оплату коммунальных услуг, недорогую одежду, обувь. Только одному из трех рабочих денежные доходы позволяют нормально питаться, одеваться, но и у них покупка вещей длительного пользования вызывает затруднения. Неудивительно, что в 2003 г. 37%, а в 2007 г. 39% рабочих отнесли себя и свои семьи к бедным людям. Несколько выше оценки удовлетворенности работой на предприятии и жизнью в целом. Удовлетворенность работой на предприятии — 3,23 балла, а удовлетворенность жизнью в целом — 3,28 балла.

В таблице 2 представлены результаты анализа взаимосвязей между оценками социальной справедливости и показателями социального самочувствия.

Таблица 2

Взаимосвязь оценок социальной справедливости и показателей социального самочувствия*

Оценки социальной справедливости	Удовлетворенность работой на предприятии		Удовлетворенность уровнем жизни (материальным положением)		Удовлетворенность жизнью в целом	
	V	λ	V	λ	V	λ
Справедливость оплаты своего труда						
1989	0,199	0,113	0,182		0,235	0,048
2007	0,266		0,358		0,168	
Соответствие зарплаток трудовому вкладу						
1989			0,312	0,177	0,311	0,049
2007	0,275		0,383	0,123	0,186	
Справедливость оплаты труда в коллективе						
1989	0,294	0,152				
2007	0,199		0,301		0,231	
Общая оценка социальной справедливости в трудовом коллективе						
1989	0,402	0,248				
2007					0,189	

**Примечание:* Приведены коэффициенты Крамера, значимые на уровне <0.05 . Коэффициенты λ свидетельствуют о «влиянии» оценок социальной справедливости на показатели социального самочувствия. Если присутствует коэффициент V , а коэффициент λ отсутствует, то это значит, что обратное влияние показателя социального самочувствия на оценку социальной справедливости не меньше, а то и больше.

Выяснилось, что удовлетворенность материальным положением тесно связана не только с оценками справедливости оплаты своего труда и соответствия зарплаток трудовому вкладу, но и, в не меньшей степени, с оценкой справедливости оплаты труда в коллективе. Теснота связи между индивидуальными оценками справедливости оплаты труда и удовлетворенностью уровнем жизни (материальным положением) увеличилась. Удовлетворенность жизнью в целом тесно связана со всеми четырьмя оценками социальной справедливости. Вспомним, что в 1989 г. удовлетворенность уровнем жизни и удовлетворенность жизнью в целом были связаны только с индивидуальными оценками справедливости оплаты труда. Эти данные, по-видимому, свидетельствуют о *росте влияния общей ситуации на предприятии на показатели социального самочувствия*.

Требует специального объяснения и выявленные изменения тесноты взаимосвязей между оценками социальной справедливости и удовлетворенностью работой на предприятии. Если в 1989 г. удовлетворенность работой на предприятии была теснее связана с общими, чем индивидуальными оценками социальной справедливости, то в 2007 г. теснее стали связи с индивидуальными оценками справедливости оплаты труда, а связь с общей оценкой социальной справедливости в трудовом коллективе вообще отсутствует. При этом все оценки социальной справедливости перестали «влиять» на удовлетворенность работой на предприятии. Можно предположить, что зафиксированный факт связан с гипертрофированным ростом заработка среди мотивов труда, с одной стороны, и низкими оценками удовлетворенности размером заработка и удовлетворенности материальным положением, — с другой, следствием чего стало *снижение для рабочих ценности труда на предприятии*¹⁰.

Нельзя не упомянуть и о том, что если в 1989 г. значительное число рабочих отмечали случаи несправедливости при повышении квалификационного разряда и при обсуждении, выработке и принятии решений по наиболее важным вопросам жизни коллектива, то в 2007 г. таких рабочих стало существенно меньше. Как выяснилось, мотивы «постоянное повышение квалификации» и «участие в обсуждении, выработке и принятии решений о жизни коллектива» находятся в настоящее время на последних местах в иерархии мотивов – суждений.

¹⁰ Подробнее об этом см.: [24].

Взаимосвязь оценок социальной справедливости и показателей социального самочувствия рабочих требует, безусловно, более глубокого анализа. Несмотря на отсутствие «влияния» оценок социальной справедливости на показатели социального самочувствия¹¹, связь между феноменами, стоящими за этими переменными, несомненно, существует. Необходим поиск дополнительных переменных, которые позволили бы эту связь выявить. Одной из таких переменных может быть, по нашему мнению, успешность / неуспешность экономической деятельности трудового коллектива.

Требует дальнейшего изучения и «влияние» оценок социальной справедливости на трудовое поведение. В пользу этого говорят, в частности, ответы респондентов на вопрос «Стали бы Вы работать больше и лучше, если бы оплата труда соответствовала личному трудовому вкладу?». По словам 29% рабочих, в этом случае они стали бы работать *гораздо интенсивнее* (опрос 2007 г., в 2003 г. подобный ответ дали 22% рабочих), а 51% рабочих — *несколько интенсивнее*. Как видим, абсолютное большинство (80%) рабочих в настоящее время могли бы увеличить эффективность своего труда, если бы оплата труда соответствовала их трудовому вкладу.

Приведенные результаты исследования, надеюсь, помогут понять работодателям, что право рабочего «на справедливую заработную плату, обеспечивающую достойное человека существование для него самого и его семьи», зафиксированное в Трудовом кодексе, должно реализоваться не только для улучшения социального самочувствия рабочих, но и для повышения эффективности работы предприятия.

Не менее важным, с нашей точки зрения, является и изменение отношения наемных работников к нарушениям социальной справедливости в трудовых коллективах.

Отношение людей к нарушениям социальной справедливости в трудовых коллективах и успехи в борьбе с ней

В 1989 г. в трудовых коллективах было широко распространено безразличное отношение к нарушениям социальной справедливости: 38% опрошенных говорили, что члены их трудовых коллективов «осуждают несправедливость лишь в разговорах с товарищами, открыто против нее не выступают», «равнодушно, безразлично относятся к происходящему» и даже «пытаются оправдать несправедливость». Почти треть респондентов сказали, что их товарищи по работе «выступают против несправедливости только в том случае, если затронуты личные интересы». Впрочем, не меньше было и тех, кто при ответе на вопрос об отношении людей к несправедливости выбирал

¹¹ Единственное исключение: «влияние» оценки соответствия заработков трудовому вкладу на удовлетворенность материальным положением.

варианты ответа «активно выступают против любых проявлений несправедливости» и «пытаются противостоять лишь наиболее вопиющим фактам нарушения справедливости» (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «С каким отношением людей к нарушениям социальной справедливости в коллективе Вам чаще всего приходилось сталкиваться за последние годы?», % ответивших

Варианты ответов	1989	2007
как правило, активно борются против любых проявлений социальной несправедливости	11,2	6,7
обычно пытаются противодействовать лишь наиболее вопиющим фактам нарушения справедливости	20,5	14,4
выступают против несправедливости только в том случае, если затронуты их личные интересы	30,8	39,3
осуждают несправедливость лишь в разговорах с товарищами, открыто против нее не выступают	28,1	32,6
равнодушно, безразличное отношение к происходящему	5,8	3,9
пытаются оправдать случаи социальной несправедливости	3,6	3,1

Как относятся сегодня в трудовых коллективах к нарушениям социальной справедливости? Судя по ответам, открыто выступает против несправедливости только каждый пятый, выступают лишь в том случае, если затронуты их личные интересы — четверо из десяти, примерно столько же проявляют безразличное отношение к происходящему.

Успешны ли действия тех, кто выступает против несправедливости в трудовом коллективе? В 1989 г. отрицательно на этот вопрос ответили 36% рабочих, в 2007 г. — уже более половины (53%).

Таким образом, борьба с несправедливостью в трудовых коллективах приобрела более индивидуальный характер и стала менее успешной.

Некоторые итоги

1. Сложившаяся в 2007 г. ситуация в трудовых коллективах во многом напоминает ситуацию 1989 года. Главная сфера нарушений социальной справедливости — это по-прежнему оплата труда. При этом вдвое меньше стало тех рабочих, кто считает оплату своего труда справедливой. Соответственно, стало больше тех, кто получает, по их мнению, меньше заслуженного.

2. Ситуация в борьбе с несправедливостью в трудовых коллективах в настоящее время хуже, чем в 1989 г. Меньше стало людей, которые открыто выступают против несправедливости. Больше стало тех, кто выступает против несправедливости только в том случае, если затронуты их личные интересы. Снизилась и успешность действий против несправедливости.

3. Укрепление социальной справедливости в трудовых коллективах следует начать с устранения самой вопиющей несправедливости — в оплате труда рабочих. Надо стремиться к тому, чтобы размер заработка рабочих был связан с их квалификацией и результатами работы предприятия в целом, а не с взаимоотношениями с руководством.

4. Общие оценки социальной справедливости в трудовом коллективе влияют на социальное самочувствие рабочих в не меньшей степени, чем индивидуальные оценки справедливости оплаты труда.

5. Общая оценка социальной справедливости в трудовом коллективе может выступать, по-видимому, в качестве самостоятельного показателя социального самочувствия рабочих. Она свидетельствует о степени социальной солидарности работодателя и наемных работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядов В.А. Труд в системе жизненных ценностей // Человек и труд. 2000. № 1. С. 43.
2. Кузнецов В.Н. Социология мироустройства XXI века (Проекта России): традиции и новизна. М.: Изд-во журнала «Безопасность Евразии», 2007. С. 35.
3. Найшуль В.А. Революция и справедливость. М.: ОГИ, 2005. С. 7
4. Аузан А.А. Договор—2008: критерии справедливости [online]. Дата обращения: 03.03.2008. URL: <<http://www.polit.ru/lectures/2006/05/18/auzan.html>>.
5. Рикер П. Справедливое. М.: Гнозис-Логос, 2005.
6. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Новосибирск. ун-т, 1995.
7. Плетников Ю.К. Социализация капитала: проблема и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 12.
8. Валлерстайн И. Демократия, капитализм и трансформация // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 2.
9. Шляпентох В.Э. Равенство и справедливость в России и США // Социологический журнал. 1998. № 3/4.
10. Попова И.М. «Демократия» как средство идентификации и мифологизации // Вісник Одеського національного університету. Т. 12. Вып. 6. Соціологія і політичні науки, 2007. С. 13–20.
11. Дюркгейм Э. Ценности и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2.
12. Магун В.С. Динамика трудовых ценностей экономически активного населения России, 1991–2004 гг. Препринт WPS / 2006/09. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
13. Попова И.М. 1989–1991. Диагноз времени (одесситы о себе и переменах в обществе): Историко-социологические очерки. Одесса: Астропринт, 2006.
14. Попова И.М., Бессокирная Г.П. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? Методология и методы изучения, результаты и перспективы исследования // Мир России. 2005. № 4.
15. Заславская Т.И. Творческая активность масс: социальные резервы роста // ЭКО. Новосибирск. 1986. № 3.
16. Попова И.М. Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. Киев: Институт социологии НАНУ, 2000.
17. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2.

18. *Попова И.М.* Уравнительность — иллюзия массового сознания // Социологические исследования. 1992. № 3.
19. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Ав.-сост. Е.П. Добрынина; Под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007.
20. *Титаренко Л.Г.* Александер Дж. Гражданская сфера. Нью-Йорк. 2006 [Рец.] // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 152–153.
21. *Темницкий А.Л.* Справедливость в оплате труда как ценностная ориентация и фактор трудовой мотивации // Социологические исследования. 2005. № 5.
22. *Максимов Б.И.* Трансформации в социально-трудовой сфере // Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни: Сборник научных материалов Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 11-12 октября 2007 года. Самара: Изд-во «Универс групп», 2007. С. 164–165.
23. *Бессокирная Г.П.* Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 37.
24. *Патрушев В.Д., Бессокирная Г.П.* Основные жизненные ценности, мотивы труда рабочих в период 1990–2003 гг. и их изменения // Ценности повседневной деятельности горожан / Отв. ред. Т.М. Караханова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2004. С. 29–45.